

«НЕТИПИЧНЫЙ» ВОСТОЧНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ: МАХАРАДЖА РАНДЖИТ СИНГХ В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

К.А. Демичев

*Нижегородский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Нижний Новгород,
kadem@mail.ru*

Аннотация. В статье определяется специфика восприятия махараджи Ранджита Сингха со стороны британских чиновников и европейских путешественников в первой половине XIX в., анализируются факторы, оказавшие влияние на оценку Ранджита Сингха как «нетипичного» восточного правителя. Автором делаются выводы о закономерности положительной репрезентации сикхского махараджи как союзника англичан и человека уникальных личных качеств. Обосновывается, что в восприятии Ранджита Сингха имела место даже определенная идеализация образа сикхского государя, что было обусловлено, прежде всего, политическими факторами. Британцы очень высоко ценили союз с Ранджитом Сингхом, так как этот союз способствовал не только поддержанию военно-политической стабильности во всем северо-западном регионе, но и обеспечивал успех мероприятий Ост-Индской Компании на среднеазиатском направлении. Сикхская держава в Панджабе рассматривалась как буферное государство на северо-западной границе субконтинента, прикрывающее британские владения в Индии от любых потенциальных угроз, исходящих из Средней Азии и Афганистана, независимо от того, были ли они в действительности реальными или нет. Отмечается, что на восприятие махараджи существенный отпечаток накладывали его личные качества и обаяние, под которое подпадала большая часть его европейских визитеров. Участие в разнообразных мероприятиях придворной жизни, таких, как широкомасштабные охоты, совместные ужины, парады и военные смотры, а также высокая степень доверия, которое Ранджит Сингх выказывал по отношению к своим европейским гостям, только подкрепляли позитивное восприятие его образа. В совокупности данные факты послужили тому, что европейцы прощали махарадже все те пороки, которые они порицали у других восточных правителей, и воспринимали его образ в целом положительно.

Ключевые слова: Ранджит Сингх, правитель, махараджа, сикхи, Панджаб, репрезентация

Демичев Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления РАНХиГС при Президенте РФ.

Введение

Махараджа Ранджит Сингх (1780–1839) по праву считается одним из наиболее выдающихся индийских правителей XIX в. Являясь *сардаром* одного из двенадцати военно-политических образований – мисалов, этот человек сумел воплотить в жизнь более чем столетнюю мечту сикхской военизированной общины *Хальсы* – создать единое и независимое сикхское государство. Всего за несколько десятилетий Ранджит Сингх не просто объединил сикхов, но и сумел построить мощную региональную империю, определявшую основные политические процессы всей северо-западной части индийского субконтинента. В результате сикхская империя *Саркар Хальсаджи* раскинулась далеко за пределы Панджаба – от Сатледжа на востоке до Сулеймановых гор на западе и от предгорья Гималаев на севере до Синда на юге¹.

Возникновение мощного сикхского государства не могло пройти мимо внимания английской Ост-Индской Компании, которая в этот период вышла на завершающий этап установления своего владычества в Индии. Уже в начале XIX столетия с Ранджитом Сингхом были налажены официальные дипломатические сношения, которые со временем переросли в крепкий военно-политический союз. При этом необходимо отметить, что на протяжении последующих тридцати лет англичане едва ли смогли найти в Индии более сильного и верного союзника, чем сикхский правитель².

Махараджа Ранджит Сингх не был человеком привлекательной внешности. По воспоминаниям его европейских визитеров, он был невысокого роста, сутулый да к тому же слепой на левый глаз, который был потерян им еще в детстве в результате перенесенной оспы³. Анализ описаний Ранджита Сингха свидетельствует, что специфические особенности внешности махараджи и его явные физические недостатки не воспринимались европейцами негативно. Причины этого, на наш взгляд, крылись в целом комплексе факторов как внешнего, так и внутреннего происхождения, которые были взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Рассматривая внешние факторы, которые могли оказать существенное влияние на восприятие личности Ранджита Сингха, прежде всего, необходимо выделить фактор политический. Официальные установки, инструкции, а также общий политический курс английского правительства, несомненно, накладывали определенный отпечаток на тех людей, которые непосредственно принимали участие в налаживании и осуществлении дипломатических отношений с *Саркар Хальсаджи*.

Начиная с 1809 г., то есть с того момента, как был окончательно урегулирован вопрос о восточной границе сикхского государства⁴, англо-сикхские отношения носили дружественный характер. На протяжении тридцати лет, несмотря на определенное противодействие со стороны значительной части своего ближайшего окружения⁵, Ранджит Сингх оставался последовательным союзником англичан.

¹ Hunter 1886, 264–5

² Подробнее о системе англо-сикхских отношений при махарадже Ранджете Сингхе и его преемниках см.: Демичев, 2011.

³ McGregor 1846, 215.

⁴ Aitchison 1931, 34.

⁵ Osborne 1840, 100–1.

Дружба с Ранджитом Сингхом имела для Ост-Индской Компании огромное значение, так как в первой четверти XIX в. сикхская держава в Пенджабе рассматривалась, прежде всего, как буферное государство на северо-западной границе субконтинента, прикрывающее английские владения в Индии от любых потенциальных угроз, исходящих из Средней Азии и Афганистана, независимо от того, были ли они в действительности реальными или нет.

С 30-х гг. XIX в. англо-сикхские отношения последовательно развивались, это во многом было обусловлено тем, что руководство Ост-Индской Компании взяло курс на торговое «открытие» Инда и других рек северо-западной Индии, которое рассматривалось как необходимый этап проникновения на богатейшие рынки Центральной Азии⁶. Новый курс получил свою реализацию в ряде торговых соглашений с Ранджитом Сингхом (1832, 1834, 1839 гг.), которые предусматривали начало навигации по Инду и Сатледжу, а также оговаривали систему таможенных пошлин.

Укреплению англо-сикхской дружбы способствовали и встречи на высшем уровне. Так, в ноябре 1831 г. в небольшом городке на левом берегу Сатледжа – Рупаре состоялась встреча Ранджита Сингха с генерал-губернатором Индии лордом Уильямом Бентинком. Весной 1837 г. на свадьбе внука махараджи Наунихала Сингха присутствовал главнокомандующий вооруженными силами английской Ост-Индской Компании генерал Генри Фэйн⁷. В ноябре-декабре 1838 г. для согласования действий в афганской кампании в Фирозпуре была организована и проведена встреча Ранджита Сингха с новым генерал-губернатором Джорджем Иденом лордом Оклендом⁸.

Англичане очень высоко ценили союз с Ранджитом Сингхом, так как этот союз способствовал не только поддержанию военно-политической стабильности во всем северо-западном регионе, но и обеспечивал успех мероприятий Ост-Индской Компании на среднеазиатском направлении.

Внешние факторы, обуславливавшие позитивное восприятие Ранджита Сингха, не были единственными. Не менее важными были и внутренние факторы, среди которых на первое место можно было бы по праву поставить личную симпатию, которую англичане и другие европейцы испытывали к махарадже в процессе общения. По свидетельству современников, несмотря на все свои внешние недостатки и многочисленные пороки, Ранджит Сингх обладал огромным личным обаянием и умением расположить к себе собеседника. Все европейцы отмечали несомненный ум махараджи и его проницательность.

Капитан Осборн не ставил под сомнение, что все, чего Ранджит Сингх добился на пути строительства своей империи, было обусловлено «силой его ума, личной энергией и храбростью»⁹. Полковник артиллерии Александр Гарднер, находившийся на службе у махараджи во второй половине 1830-х гг., относил Ранджита Сингха к тем людям, «...чей ум способен изменить лицо земного шара»¹⁰. Манера общения махараджи быстро располагала к нему европейских собеседников. Улыбка Ранджита Сингха во время разговора была обаятельна, а общение

⁶ Bentinck 1977/II, 1075.

⁷ Fane 1842, 131–6.

⁸ Steinbach 1846, 140–152.

⁹ Osborne 1840, 94.

¹⁰ Gardner 1898, 180.

– легким и непринужденным. Правитель Панджаба всегда находил, что сказать, умел быстро сформировать свое представление о любом предмете разговора, проявляя высокий интеллект и сообразительность. При этом память его была просто экстраординарной¹¹.

Все современники отмечают, что во время беседы Ранджит Сингх задавал своим визави многочисленные и разнообразные вопросы, касающиеся абсолютно разных предметов. Правда, следует отметить, что не для всех собеседников махараджи общение с ним было легким. Как писал в своем дневнике французский путешественник и натуралист Виктор Жакмон, «его [Ранджита Сингха – К.Д.] общение походит на кошмар. Он фактически первый любознательный индус, которого я видел, но его любопытство уравнивает апатию всей его нации. Он задал мне сто тысяч вопросов об Индии, британцах, Европе, Бонапарте, этом мире вообще и последующем, об аде, рае, душе, Боге, дьяволе, а также несметное число других, того же самого рода»¹².

Нередко во время разговора Ранджит Сингх крепко держал руку собеседника в своих ладонях, нервно сжимая пальцы и не выпуская ее в течение получаса. При этом голос махараджи, грубый и неприятный от природы, мог становиться очень обаятельным, когда Ранджит Сингх хотел польстить или иным образом повлиять на собеседника¹³.

Другая черта Ранджита Сингха, которая не могла не быть оценена европейцами по достоинству, – это огромная личная храбрость махараджи¹⁴. Как известно, большую часть своих завоеваний, которые в конечном итоге и привели к созданию сильной сикхской империи, Ранджит Сингх осуществлял лично, находясь во главе своих победоносных войск. По этой причине совершенно не приходится удивляться тому, что Ранджит Сингх получил почетное прозвище Шер-и-Панджаб – Лев Панджаба. Помимо этого, воинская доблесть и храбрость Ранджита Сингха высоко ценилась европейцами еще и потому, что, по их мнению, эти качества были редкими у правителей Востока¹⁵. Ранджит Сингх, кроме того, что сам был храбрым, умел ценить это качество в других и, прежде всего, в своих собственных воинах. Всех воинов Хальсы, которые отличились храбростью, махараджа старался награждать лично, нередко жалую им золотые браслеты со своей руки¹⁶.

С точки зрения европейцев, большим личным достоинством Ранджита Сингха была его скромность в одежде и умеренность в украшениях. Все, кто знал махараджу лично, отмечали, что он предпочитает самое простое платье, как правило, зеленого или желто-горчичного цвета, а украшениями пользуется мало. Единственное украшение, с которым правителя сикхов видели достаточно часто, – это алмаз Кох-и-нур [в переводе с перс. – «гора света» – К.Д.], который он носил на запястье¹⁷.

Личная симпатия, возникавшая у европейцев по отношению к Ранджит Сингху, была также в немалой степени обусловлена тем, каким образом махараджа

¹¹ Honigberger 1852, 58.

¹² Jacquemont 1835, 22.

¹³ Hugel 1845, 380–1.

¹⁴ Osborne 1840, 83.

¹⁵ Jacquemont 1835, 25.

¹⁶ Osborne 1840, 83.

¹⁷ Masson 1842, 443.

встречал своих гостей и какие мероприятия организовывал для их развлечения. Действительно, на протяжении всего своего правления Ранджит Сингх самым внимательным образом относился к тому, как происходит встреча европейцев и, прежде всего, представителей могущественной английской Ост-Индской Компании. В итоге в 20–30-х гг. XIX в. сложился разработанный церемониал таких встреч.

Иногда, проявляя особое расположение к своим гостям, Ранджит Сингх, вопреки местным обычаям, собственноручно перебирал и пересчитывал обязательные подарки, которые вручались ему при встрече, прежде чем передать их казначею¹⁸. Для развлечения своих европейских и, прежде всего, английских гостей Ранджит Сингх устраивал торжественные приемы, парады и обеды с ужинами, которые сопровождалось представлениями его придворных танцовщиц, а также салютами. Во время таких обедов махараджа пил с европейскими визитерами. Правда, учитывая, что Ранджит Сингх пил очень много и только крепкие алкогольные напитки, такая честь создавала для европейцев определенные неудобства, так как мало кто мог пить наравне с ним¹⁹.

Большое значение имела организация грандиозных придворных охот, которые являлись не только «высокостатусным» развлечением для махараджи и его гостей, но и действенным инструментом налаживания дипломатических связей. Праздничный и азартный характер придворной охоты способствовал установлению неформальных отношений с иностранными послами. При этом проницательный сикхский правитель стремился выяснить истинные мотивы и цели иностранных визитеров. Он умел расположить собеседника к себе, чтобы в дальнейшем использовать эту симпатию в ходе официальных переговоров. Проведение придворных охот с участием иностранных гостей было действенным инструментом развития дипломатических отношений, а приглашение к участию в ней свидетельствовало о том, что сикхская сторона высоко ценит дружбу и всячески стремится к ее развитию. По этой причине совершенно неудивительно, что и капитан Бернс, и капитан Осборн, и другие официальные представители английской Ост-Индской Компании становились участниками роскошных придворных охот, организованных Ранджитом Сингхом в честь их прибытия²⁰.

Ранджит Сингх имел склонность к обсуждению с европейцами вопросов организации войск и системы власти и управления. Спрашивая мнение о качестве подготовки своих войск, а также задавая другие многочисленные вопросы, он, по всей видимости, стремился не только сформировать для себя объективную картину, но и польстить собеседникам таким повышенным вниманием. Надо отметить, что некоторые европейцы попадались на такие уловки и принимали их за чистую монету, попав под обаяние махараджи. Французский натуралист Виктор Жакмон в первые дни знакомства с Ранджитом Сингхом вполне точно охарактеризовал его как «старого лиса, по сравнению с которым даже самый квалифицированный из наших дипломатов – простака»²¹.

Укреплению дружеских отношений с европейцами, а следовательно, и позитивному восприятию образа сикхского правителя способствовали и те богатые

¹⁸ Osborne 1840, 78.

¹⁹ Eden 1866/I, 282.

²⁰ Burnes 1834/I, 23–5; Osborne 1840, 166–8; McGregor 1846, 222–3.

²¹ Jacquemont 1835, 11.

дары, которыми Ранджит Сингх наделял своих гостей, особенно при прощании. Количество и стоимость даров напрямую зависели от статуса европейских визитеров, а также от того, была ли их миссия официальной или частной, однако эти дары никогда не были формальными или дешевыми. Помимо сумок с рупиями, составной частью даров был *хилат* – «одежда чести», то есть почетная одежда, жалуемая правителем. Этот наряд, преподносимый европейцам, мог включать от 11 до 21 части²². Такое количество составных частей *хилата* считалось очень почетным, хотя ради справедливости следует отметить, что подобный наряд, предоставляемый подданным махараджи, мог состоять и из 51 части²³. Впрочем, учитывая, что *хилат* не являлся основным видом даров, европейцы благосклонно принимали и меньшее количество предметов.

Чаще всего Ранджит Сингх дарил своим европейским гостям парадное оружие, богато украшенное драгоценными камнями, породистых коней вместе с дорой упряжью и седлами, а также многочисленные ювелирные украшения, многие с его собственной руки. А таким гостям, как, например, барон Хюгель, то есть тем, кто сумел произвести на Ранджита Сингха особо благоприятное впечатление, он мог пожаловать не только парадное оружие, но и боевое, которым до этого махараджа пользовался лично²⁴.

При всех многочисленных достоинствах Ранджита Сингха как правителя и человека европейцы не могли не отметить и многочисленные пороки сикхского правителя. Среди них, в первую очередь, выделялись хроническое пьянство, увлечение опиумом, подозрительность, а также жадность, особенно ярко проявившаяся в самом конце его долгого правления. Главным недостатком, несомненно, было безудержное пьянство, которое, по всеобщему мнению, состарило Ранджита Сингха ранее положенного срока и должно было стать причиной его смерти²⁵. Употребление крепкого алкоголя в сочетании с ежедневными дозами опиума нередко приводило махараджу в состояние крайнего возбуждения, когда он становился опасен даже для своих близких²⁶. Однако все эти пороки в глазах европейцев многократно компенсировались достоинствами Ранджита Сингха как выдающегося правителя и успешного полководца.

Европейцы не могли не оценить усилия Ранджита Сингха на пути собирания сикхских земель в единое централизованное государство, а также его успехи в деле расширения своих владений за счет афганских провинций, которые в конечном итоге привели к созданию мощной сикхской империи²⁷. По этой причине Ранджита Сингха часто сравнивали с выдающимися деятелями европейской истории. Правителя сикхов сопоставляли с Филиппом Македонским²⁸, Петром I²⁹, но чаще всего в нем видели азиатский вариант Наполеона Бонапарта³⁰.

²² Hugel 1845, 350.

²³ Suri 1961, 526.

²⁴ Hugel 1845, 350.

²⁵ Osborne 1840, 189–191; Masson 1842, 443; Honigberger 1852, 58; McGregor 1846, 224–5.

²⁶ Honigberger 1852, 99.

²⁷ Демичев 2014, 594–602.

²⁸ Masson 1842, 444.

²⁹ Prinsep 1834, 187.

³⁰ Jacquemont 1835, 25.

Отмечая деспотический характер власти Ранджита Сингха, европейцы подчеркивали его умеренность и милосердие как правителя³¹, разумные принципы организации власти и управления³². Капитан Осборн отмечал, что махараджа правит «железной рукой», но его правление при этом лишено той жестокости, которая характерна и для гораздо более цивилизованных монархов³³. Покидая двор Ранджита Сингха, Александр Бернс с удивлением и восхищением писал: «Я никогда не покидал уроженца Азии с такими впечатлениями, с какими я покинул этого человека [Ранджита Сингха – К.Д.]. Без образования и специальной подготовки он ведет дела своего царства с превосходной силой и энергией, но при этом его власть беспрецедентно умеренна для восточного правителя»³⁴.

Несомненной заслугой Ранджита Сингха как правителя было то, что в своей империи он сумел установить достаточно прочный мир и безопасность. По свидетельству барона Хюгеля, «ни одна столь большая империя из тех, что были основаны одним человеком, не имела такой низкий уровень преступности»³⁵. В целом для европейцев было бесспорно, что всеми своими достижениями сикхское государство обязано Ранджиту Сингху, который завершил длительный процесс складывания сикхской государственности.

Заключение

Таким образом, махараджа Ранджит Сингх воспринимался европейскими и английскими чиновниками и путешественниками как «нетипичный» восточный правитель. Имела место даже определенная идеализация образа сикхского государя, что было обусловлено, прежде всего, политическими факторами. С другой стороны, на восприятие махараджи существенный отпечаток накладывали его личные качества и обаяние, под которое попадали почти все европейцы. Участие в разнообразных мероприятиях придворной жизни, а также высокая степень доверия, которое Ранджит Сингх выказывал по отношению к своим европейским гостям, только подкрепляли позитивное восприятие его образа. В совокупности данные факты послужили тому, что европейцы прощали махарадже все те пороки, которые они порицали у других восточных правителей, и воспринимали его образ в целом положительно.

ЛИТЕРАТУРА

- Демичев, К.А. 2011: *Британский лев в Пятиречье: политика Великобритании в Панджабе в XIX в.* Нижний Новгород.
- Демичев, К.А. 2014: Статус мусульманских провинций в сикхском государстве в Панджабе в первой половине XIX в. В сб.: В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко (ред.), *Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы)*. М., 594–602.

³¹ Osborne 1840, 93–4.

³² Hugel 1845, 382.

³³ Osborne 1840, 94–5.

³⁴ Burnes 1834/II, 33.

³⁵ Hugel 1845, 382.

- Aitchison, C.U. (comp.) A Collection of Treaties 1931: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. In: *The Treaties and Relating to the Punjab States and Delhi*. Vol. I. Calcutta.
- Bentinck, W.C. 1977: *The Correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835*. In II vols. Oxford.
- Burnes, A. 1834: *Travels into Bokhara; Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with Presents from the King of Great Britain; Performed under the Orders of the Supreme Government of India, in the Years 1831, 1832, and 1833*. In III vols. London.
- Eden, E. 1866: *Up The Country: Letters Written to Her Sister from the Upper Provinces of India*. In II vols. London.
- Fane, H.E. 1842: *Five Years in India; Comprising a Narrative of Travels in the Presidency of Bengal, A Visit to the Court of Runjeet Sing, Residence in the Himalayah Mountains, an Account of the Late Expedition to Cabul and Afghanistan, Voyage down the Indus, and Journey Overland to England*. In II vols. Vol. I. London.
- Gardner, A. 1898: *Soldier and Traveller. Memoirs of Alexander Gardner Colonel of Artillery in the Service of Maharaja Ranjit Singh*. Edinburgh–London.
- Honigberger, J.M. 1852: *Thirty-Five Years in the East. Adventures, Discoveries, Experiments, and Historical Sketches, Relating to the Punjab and Cashmere; in Connection with Medicine, Botany, Pharmacy, Etc.* London.
- Hugel, Ch. 1845: *Travels Kashmir and the Panjab, containing a particular account of the Government and Character of the Sikhs, translated from German by Major T.B. Jervis*. London.
- Hunter, W.W. (ed.) 1886: *The Imperial Gazetteer of India. 1881*. Vol. XI. Pali to Ratia. London.
- Jacquemont, V. 1835: *Letters from India, Describing a Journey in the British Dominions of India, Tibet, Lahore and Cashmere, During the Years 1828, 1829, 1830, 1831*. In II vols. Vol. II. London.
- Masson, Ch. 1842: *Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a Residence in those Countries from 1826 to 1838*. In III vols. Vol. I. London.
- McGregor, W.L. 1846: *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the Independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh*. In II vols. Vol. I. London.
- Osborne, W.G. 1840: *The Court and Camp of Runjeet Sing, with an Introductory Sketch of the Origin and Rise of Sikh State*. London.
- Prinsep, H.T. 1834: *Origin of the Sikh Power in the Punjab and Political of Maharaja Ranjeet Singh. With an Account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh*. Calcutta.
- Steinbach, H. 1846: *The Punjab: Being a Brief Account of the Country of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religions, Etc.* London.
- Suri, Lala Sohan Lul 1961: *An Outstanding Original Source of Panjab History. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1–5): Chronicle of the Reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D.* Delhi.

REFERENCES

- Aitchison, C.U. (comp.) A Collection of Treaties 1931: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. In: *The Treaties and Relating to the Punjab States and Delhi*. Vol. I. Calcutta.
- Bentinck, W.C. 1977: *The correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835*. In II vols. Oxford.

- Burnes, A. 1834: *Travels into Bokhara; Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with Presents from the King of Great Britain; Performed under the Orders of the Supreme Government of India, in the Years 1831, 1832, and 1833*. In III vols. London.
- Demichev, K.A. 2011: *Britanskij lev v Pyatirech'e: politika Velikobritanii v Pandzhabe v XIX v. Nizhnij Novgorod*.
- Demichev, K.A. 2014: Status musul'manskih provincij v sikhskom gosudarstve v Pandzhabe v pervoj polovine XIX v. In: V.Ya. Belokrenickij, N.Yu. Ul'chenko (red.), *Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniya na musul'manskom Vostoke (Afganistan, Iran, Pakistan, Turciya, etnicheskij Kurdistan, sosednie musul'manskije rajony)*. Moscow, 594–602.
- Eden, E. 1866: *Up The Country: Letters Written to Her Sister from the Upper Provinces of India*. In II vols. London.
- Fane, H.E. 1842: *Five Years in India; Comprising a Narrative of Travels in the Presidency of Bengal, A Visit to the Court of Runjeet Sing, Residence in the Himalayah Mountains, an Account of the Late Expedition to Cabul and Afghanistan, Voyage down the Indus, and Journey Overland to England*. In II vols. Vol. I. London.
- Gardner, A. 1898: *Soldier and Traveller. Memoirs of Alexander Gardner Colonel of Artillery in the Service of Maharaja Ranjit Singh*. Edinburgh, London.
- Honigberger, J.M. 1852: *Thirty-Five Years in the East. Adventures, Discoveries, Experiments, and Historical Sketches, Relating to the Punjab and Cashmere; in Connection with Medicine, Botany, Pharmacy, Etc.* London.
- Hugel, Ch. 1845: *Travels Kashmir and the Panjab, containing a particular account of the Government and Character of the Sikhs, translated from German by Major T.B. Jervis*. London.
- Hunter, W.W. (ed.) 1886: *The Imperial Gazetteer of India. 1881*. Vol. XI. Pali to Ratia. London.
- Jacquemont, V. 1835: *Letters from India, Describing a Journey in the British Dominions of India, Tibet, Lahore and Cashmere, During the Years 1828, 1829, 1830, 1831*. In II vols. Vol. II. London.
- Masson, Ch. 1842: *Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a Residence in those Countries from 1826 to 1838*. In III vols. Vol. I. London.
- McGregor, W.L. 1846: *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooeroos; The History of the Independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh*. In II vols. Vol. I. London.
- Osborne, W.G. 1840: *The Court and Camp of Runjeet Sing, with an introductory Sketch of the Origin and Rise of Sikh State*. London.
- Prinsep, H.T. 1834: *Origin of the Sikh Power in the Punjab and Political of Maharaja Ranjeet Singh. With an Account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh*. Calcutta.
- Steinbach, H. 1846: *The Punjab: Being a Brief Account of the Country of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religions, Etc.* London.
- Suri, Lala Sohan Lul 1961: *An Outstanding Original Source of Panjab History. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1–5): Chronicle of the Reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D.* Delhi.

“ATYPICAL” EASTERN RULER: MAHARAJA RANJIT SINGH IN THE
PERCEPTION OF EUROPEANS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Kirill A. Demichev

*Nizhny Novgorod Institute of Management Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Russia,
kadem@mail.ru*

Abstract. The article deals with the specifics of perception of Maharaja Ranjit Singh from the British officials and European travelers in the first half of the 19th century. The factors that influenced on the perception of Ranjit Singh as an “atypical” eastern ruler are analyzed. The conclusions about the patterns of the positive representation of Sikh maharaja, as an ally of the British as well as an individual of unique personal qualities are drawn. It is proved that in the perception of Ranjit Singh a certain idealization of the image of the Sikh sovereign took place, caused primarily by the political factors. The British highly appreciated the alliance with Ranjit Singh as the Union contributed not only to maintain the military-political stability in the entire north-western region, but also to provide the success of the activities of the East India Company in the Central Asian direction. Sikh empire in Punjab was viewed primarily as a buffer state in the north-western border of the subcontinent protecting the British ownership in India from any potential threats coming from Central Asia and Afghanistan, regardless of the fact whether they were real or imaginary. It is noted that on the perception of the Maharaja the essential impress was imposed by his personal qualities and charm, experienced by the greater part of European visitors. Participation in various events of court life, such as large-scale hunting, joint dinners, parades and military parades, as well as a high level of confidence that Ranjit Singh demonstrated towards his European guests, only reinforced the positive perception of his image. These facts taken together resulted in positive perception of Maharaja’s image by Europeans and forgiveness those of his drawbacks that other eastern rulers were blamed for.

Key words: India, British Empire, Ranjit Singh, Maharaja, Sikhs, Punjab

---
